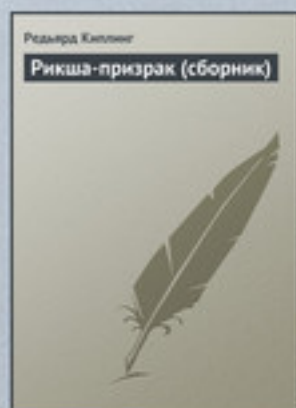

Редьярд Киплинг

Бя-а, бя-а, Черная овца

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Киплинг

Бя-а, бя-а, Черная овца

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Бя-а, бя-а, Черная овца / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888

«Айя, хамаль и Мита, грязный, толстый мальчуган в красном с золотом тюрбане, уложили Понча в постель. Юди, уже закрытая занавесками от москитов, почти засыпала. Пончу было позволено не ложиться до обеда. Многие привилегии были даны Пончу за последние десять дней. Много доброты и снисходительности проявляли окружающие ко всем его шумным и беспокойным выходкам. Теперь он сидел на краю постели и преспокойно болтал голыми ногами...»

© Киплинг Р. Д., 1888

© Public Domain, 1888

Содержание

Первая корзина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Редьярд Киплинг

Бя-а, бя-а, Черная овца

* * *

*Бя-а, бя-а, черная овца,
Есть ли шерстка у тебя?
Есть, есть, три корзины полные.
Одна для мамы, одна для папы,
И ни одной для мальчика, который кричит.
Колыбельная песня*

Первая корзина

Когда я был в доме отца, мне жилось лучше.

Айя, хамаль и Мита, грязный, толстый мальчуган в красном с золотом тюрбане, уложили Понча в постель. Юди, уже закрытая занавесками от москитов, почти засыпала. Пончу было позволено не ложиться до обеда. Многие привилегии были даны Пончу за последние десять дней. Много доброты и снисходительности проявляли окружающие ко всем его шумным и беспокойным выходкам. Теперь он сидел на краю постели и преспокойно болтал голыми ногами.

– Понч-бэбэ ляжет спать? – вопросительно намекнула айя.

– Нет, – ответил Понч. – Понч-бэбэ будет слушать сказку о Рэнни, который превратился в тигра. Мита будет рассказывать, хамаль спрячется за дверь и будет реветь, как тигр, когда будет нужно.

– Но мы разбудим Юди-бэбэ, – пробовала возразить айя.

– Юди-бэбэ не спит, – пропищал тоненький голосок из-за занавески. – «Жил был в Дели Рэнни...» Говори дальше, Мита, – и она спала уже, когда Мита начал рассказывать сказку. Никогда еще не исполнялась просьба Понча о сказке с такой готовностью, как сегодня.

Он сидел и размышлял, а хамаль рычал, как тигр, во всех углах комнаты.

– Будет! – властно остановил Понч. – Почему не идет папа, чтобы сказать, что пришел дать мне пут-пут?

– Понч-бэбэ уезжает, – сказала айя. – На будущей неделе Понча-бэбэ уже не будет, и некому будет брать меня за волосы. – Она смотрела грустно на мальчика-хозяина, который был очень дорог ее сердцу.

– По железной дороге? – спросил Понч, вставая на постели. – До самого Нассика, где живет Ренни-тигр?

– Нет, в этом году не в Нассик, маленький сахиб, – сказал Мита, сажая его на плечи. – Туда к морю, где растут кокосовые орехи, а потом через море на большом корабле. Возьмешь с собой Миту в «Билант»?

– Всех возьму! – провозгласил Понч с высоты своего величия, сидя на плечах Миты. – И Миту, и айю, и хамалю, и Бини-садовника, и сахиба капитана, всех.

В голосе Миты не звучала насмешка, когда он возразил: «Сахиб очень милостив», кладя маленького человека в постель, в то время как айя сидела в дверях, освещенная лунным светом, и убаюкивала его бесконечным, протяжным гимном, который пела обыкновенно в римско-католической церкви. Понч свернулся клубочком и заснул.

Утром Юди разбудила его возгласом, что в детскую прибежала крыса, и он забыл сообщить ей удивительные новости. Да, пожалуй, Юди и не поняла бы важности события, так как ей было всего три года. Пончу было уже пять, он знал, что путешествие в Англию гораздо привлекательнее поездки в Нассик.

Папа и мама продали экипажи и фортепиано, опустошили весь дом и сократили расход посуды для ежедневного обихода и долго совещались над связкой писем с почтовым штемпелем Роклингтона.

– Всего хуже то, что нет ничего определенного, – сказал папа, дергая ус. – Письма сами по себе прекрасны, но предложения довольно умеренны.

«Всего хуже то, что дети будут расти вдали от меня», – подумала мама, но вслух этого не сказала.

– Нам остается только один выход из сотни, – с горечью сказал папа. – Через пять лет ты снова будешь дома, дорогая.

– Пончу будет уже десять, Юди восемь. О, как долго будет тянуться время! И они будут жить среди чужих людей.

– Понч очень общительный мальчуган. У него везде будут друзья.

– А кто будет любить мою Ю?

Они долго стояли потом поздно ночью над постельками в детской, и, мне кажется, мама тихо плакала. Когда папа вышел, она встала на колени у постельки Юди. Айя смотрела на нее и молилась, чтоб мэмсахиб не потеряла навсегда любовь своих детей, которых брали у нее, чтобы отдать чужим людям.

Молитва мамы была несколько нелогична. «Пусть чужие люди любят моих детей и будут добры к ним так же, как я, но пусть любовь и доверие моих детей ко мне сохранятся навсегда, навсегда. Аминь». Понч потянулся во сне, Юди слегка застонала.

На следующий день все отправились к морю, и там, на берегу, Понч и Юди узнали, что Мита и айя остаются дома. Но прежде чем Мита и айя успели осушить слезы, Понч увлекся тысячами новых и интересных вещей на пароходе, где были толстые канаты, блоки и паровая труба.

– Приезжай опять, Понч-бэбэ, – сказала айя.

– Приезжай, – сказал Мита, – и будь бурра сахиб (большой человек).

– Да, – сказал Понч, поднятый отцом, чтобы послать последний привет провожающим. – Да, я приеду и буду бурра сахиб балагур (совсем большим человеком).

В конце первого дня Понч просился скорее в Англию, а потом была сильная качка, и Понч очень страдал.

– Когда я вернусь в Бомбей, – сказал Понч, поправившись немного, – то буду ездить по дороге в экипаже. Это очень гадкий корабль.

Швед лоцман утешал его, и с течением времени он опять изменил свое мнение о путешествии. Он видел и слышал так много нового, что скоро почти забыл и айю, и Миту, и хамалю и с трудом вспоминал некоторые индостанские слова, хотя это и был его второй родной язык.

С Юди было еще хуже. За день до прибытия парохода в Саутгэмптон мама спросила ее, хочет ли она видеть опять айю. Голубые глаза Юди повернулись к морю, которое поглотило все ее короткое прошлое, и она равнодушно сказала:

– Айя! Кто айя?

Мама заплакала, а Понч удивился. В первый раз в жизни он услышал просьбу мамы не давать Юди забывать ее. Он знал, что Юди совсем еще маленькая, такая смешная маленькая... За последние четыре недели мама каждый вечер приходила в каюту, чтобы уложить спать ее и Понча и спеть им песенку на ночь. Он не понимал, как можно забыть маму, но обещал маме и считал своей обязанностью исполнить обещание. Когда мама вышла из каюты, он спросил Юди:

– Ю, ты будешь помнить маму?

– Буду, – ответила Юди.

– Всегда помни маму, я дам тебе за это кусочек парусины, который отрезал мне рыжеволосый капитан сахиб.

Юди обещала всегда помнить маму.

И много раз еще мама просила его о том, то же самое говорил папа с такой настойчивостью, что мальчику делалось страшно.

– Ты должен скорее выучиться писать, Понч, – говорил папа, – чтобы уметь писать нам письма в Бомбей.

– Я буду приходить к тебе в комнату, – сказал Понч, и папа всхлипнул при этом.

Мама и папа так часто всхлипывали в эти дни. Когда Понч уговаривал Юди «не забывать», они всхлипывали. Когда Понч, развалясь на диване в гостинице в Саутгэмптоне, обле-

кал свои мечты о будущем в пурпур и золото, они всхлипывали. Но больше всего всхлипывали они, когда Юди протягивала губки для поцелуя.

И так в течение всего их продолжительного странствования по суше и воде Понч был предоставлен самому себе. Юди, конечно, ничего не понимала, а папа и мама были грустные, рассеянные и часто плакали.

– Где же наш брум-гхари? – спрашивал Понч, утомленный поездкой в каком-то отвратительном приспособлении на четырех колесах, с тяжелым навесом для багажа наверху. – Где наш собственный брум-гхари? Этот стучит так сильно, что я не могу разговаривать. Когда я был на железной дороге, прежде чем мы уехали сюда, я видел сахиба Инверарити, который сидел в нем. Он сказал, что это его брум-гхари. А я сказал: «Я подарю вам наш брум-гхари». Я люблю сахиба Инверарити. Он засмеялся, а я спросил его: «А можете вы просунуть ноги в отверстия для вожжей?» Он сказал: «Нет», – и опять засмеялся. А я могу просунуть ноги в эти отверстия, как в окошки. И здесь тоже могу. Смотри! О, мама опять плачет! Я не знал, что этого нельзя делать. Я не буду.

Понч все-таки высунул ноги в окошко, дверца отворилась, и он соскользнул на землю, попав сразу в целый каскад узлов и чемоданов. Экипаж остановился у маленького мрачного дома; Понч съезжился и с неудовольствием посмотрел на дом. Он стоял среди песчаной дороги, и холодный ветер щипал Понча за ноги.

– Уедем отсюда, – сказал он. – Здесь нехорошо.

Но мама, папа и Юди также вышли из экипажа, затем оттуда взяли весь багаж и внесли в дом. В дверях стояла женщина в черном и широко улыбалась сухими, потрескавшимися губами. Позади нее стоял мужчина, высокий, костлявый, седой и хромой на одну ногу, а из-за него выглядывал черномазый мальчик лет двенадцати. Понч оглядел всех троих, затем смело пошел к ним, как привык выходить в Бомбее к приходящим к нему играть на веранду.

– Как поживаете? – спросил он. – Я Понч.

Но все занялись багажом, кроме седого господина, который пожал руку Пончу и сказал, что он «славный паренек». Затем Понч забрался на диван в столовой и наблюдал, как кругом бегали и сустились с тяжелыми сундуками и чемоданами.

– Мне не нравятся эти люди, – сказал Понч. – Но ничего. Мы скоро отсюда уедем. Мы нигде не живем долго. Мне хотелось бы только поскорее вернуться в Бомбей.

Желанию этому не суждено было, однако, исполниться. Через шесть дней мама со слезами показывала женщине в черном одежду Понча, что вовсе не нравилось ему.

– Но, может быть, это новая, белая айя, – рассуждал он. – Только почему же я зову ее Антироза,¹ а она не зовет меня сахиб. Она все называет меня Понч, – сообщил он Юди. – Что такое Антироза?

Юди не знала. Ни она, ни Понч никогда не слышали, чтобы кого-нибудь из окружающих называли тетя. Их мир ограничивался папой и мамой, которые все знали, все могли позволить и всех любили, даже Понча и даже тогда, когда он, невзирая на уговоры отца, забивал ногти землей после того, как их только что почистили ему.

Неизвестно, по каким соображениям Понч находил допустимым существование обоих родителей между ним и женщиной в черном с черноволосым мальчиком, хотя не был доволен обоими последними. Ему понравился только седой человек, который выразил желание, чтобы его называли Онклегарри.²

Они кивали друг другу головой при встречах, и седой человек показал Пончу маленький корабль с приспособлением, по которому он скатывался вниз и поднимался вверх.

¹ Aunt Rosa, т. е. тетушка Роза.

² Дядя Гарри.

– Это модель «Бриска» – маленького «Бриска». Она была выставлена в Наварино. – Седой человек говорил торжественным шепотом эти слова и прибавлял мечтательно: – Я расскажу тебе о Наварино, Понч, когда мы пойдем вместе гулять. Только не нужно трогать кораблик, потому что это «Бриск».

Задолго до этой прогулки, первой из многих, совершенных потом, обоих детей разбудили на рассвете холодного февральского дня, чтобы проститься с папой и мамой, которые плакали. Понч был совсем сонный, и Юди капризничала.

– Не забывайте нас, – лепетала мама. – Милый мой маленький сынок, не забывай нас и смотри, чтобы Юди помнила нас.

– Я говорил Юди, чтобы она помнила, – сказал Понч, отворачиваясь от бороды отца, которая щекотала его шею. – Я говорил Юди десять, сорок, тысячу раз. Но Юди еще очень маленькая, совсем крошка, правда?

– Да, – сказал папа, – совсем еще крошка, и ты должен быть добр к ней. Ты должен также поскорее выучиться писать и... и...

Понча положили опять в постель. Юди уже заснула, а внизу уже слышался стук колес экипажа.

Папа и мама уехали. И не в Нассик, который был за морем, а куда-нибудь ближе, вероятно, и без сомнения, они должны были вернуться. Они всегда возвращались домой после своих поездок. Конечно, они вернутся и теперь. И Понч проспал спокойно до утра, когда был разбужен черноволосым мальчиком, который сказал ему, что папа и мама уехали в Бомбей и что он и Юди оставлены здесь «навсегда». На протесты Понча ответила Антироза, со слезами подтвердившая, что Гарри говорит правду и что Понч должен быть умницей, встать с постели и одеться. Понч встал и горько плакал вместе с Юди, в хорошенькую головку которой он успел внедрить некоторые понятия о разлуке.

Взрослый человек, увидевший себя покинутым Богом и людьми, лишенный помощи, привычной обстановки и симпатий, в чуждом и новом для него мире, может дойти до отчаяния, встать на ложный путь или даже кончить самоубийством. Ребенок при подобных обстоятельствах не может охватить сознанием всей глубины постигнувшего его несчастья, проклясть Бога и умереть. Он будет выть до головной боли, до тех пор, пока не опухнут глаза, пока его нос не сделается совершенно красным. Понч и Юди, брошенные на произвол судьбы, вдруг очутились вне родного им мира. Они сидели посреди комнаты и плакали. Черноволосый мальчик смотрел на них издали. Модель корабля не помогала, хотя седой человек уверял Понча, что он может катать корабль сколько угодно, вниз и вверх. Так же не помогало Юди позволение быть в кухне, сколько захочет. Они знали только, что папа и мама уехали в Бомбей, за море, без них, и горе их было безутешно.

Когда прекратились крики, в доме было все тихо. Антироза решила дать лучше детям выплакаться, а мальчик ушел в школу. Понч поднял голову от пола и мрачно сопел. Юди почти засыпала. Три года жизни не научили еще ее переносить горе с полным сознанием. Где-то на расстоянии прозвучал удар колокола, оставив за собой тяжелый, продолжительный гул в воздухе. Понч слышал такой звук в Бомбее во время муссонов. Это было море – то море, которое нужно переехать, чтобы быть в Бомбее.

– Вставай, Ю! – закричал он. – Здесь близко море! Я слышу его! Слушай! Они там. Может быть, мы еще догоним их. Они не хотели уехать без нас. Они только позабыли.

– Да, – пробормотала Юди. – Они только забыли. Пойдем к морю.

Дверь комнаты была открыта, садовая калитка также.

– Это очень, очень большое место, – говорил Понч, опасливо всматриваясь в лежащую перед ними дорогу. – Но я найду какого-нибудь человека и скажу ему, чтобы он отвез нас домой, – я так делал в Бомбее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.